

УДК 343.2(476)

УЧАСТИЕ ГРАЖДАН НА ДОВЕРИТЕЛЬНОЙ ОСНОВЕ В БОРЬБЕ С КОРРУПЦИОННЫМИ И ИНЫМИ ПРЕСТУПНЫМИ ПРОЯВЛЕНИЯМИ

В.А. КУРЯКОВ

(Полоцкий государственный университет)

Рассматриваются в рамках сравнительно-правового анализа закрепленные в национальном законодательстве современные формы взаимодействия (сотрудничества) граждан с государством в борьбе с преступностью. Отдельно исследуется норма-новелла (ст. 39) Закона Республики Беларусь от 15.07.2015 № 305-З «О борьбе с коррупцией», устанавливающая гарантии применения мер безопасности и выплату вознаграждения физическому лицу, способствующему выявлению коррупции.

Ключевые слова: преступность, правопорядок, граждане, государство, сотрудничество, поощрение.

Конституция Республики Беларусь не содержит нормы, в которой было бы закреплено право граждан непосредственно выполнять функции, присущие органам государственной власти, в частности в сфере борьбы с преступностью. Тем не менее совокупный анализ ряда положений Основного Закона (ст. 2, 10, 21 и др.) позволяет сделать вывод, что участие граждан в обеспечении правопорядка является одной из форм выражения народовластия [1].

В целях укрепления правопорядка, сокращения антиобщественных проявлений во всех сферах жизнедеятельности общества в рамках реализации стратегии уголовной политики в Республике Беларусь на законодательном и организационном уровне разрабатываются и реализуются комплексы мер, направленных на повышение эффективности деятельности правоохранительных и других государственных органов, общественных объединений, в том числе и расширение участия *граждан* (выд. авт. – **В. К.**) в борьбе с преступностью.

Учитывая специфические особенности участия граждан в обеспечении правопорядка в сравнении с профессиональной деятельностью должностных лиц правоохранительных органов, правовая регламентация оснований такого сотрудничества (взаимодействия) физических лиц с государством требует особо тщательной продуманности, максимально точного определения их статуса, системы мер поощрения и защиты от возможных угроз со стороны преступной среды. По указанным основаниям полагаем, что проведение в рамках настоящего исследования сравнительно-правового анализа современного национального законодательства, в положениях которого закреплены формы участия граждан в борьбе с преступностью, в том числе с такими общественно опасными проявлениями, как правонарушения коррупционной направленности, будет иметь не только информационно-познавательное, но в определенной мере и научно-практическое значение.

Основная часть. Вопросы юридического регулирования оснований участия граждан в охране правопорядка и их формы содействия (сотрудничества) в современном национальном законодательстве получили свое закрепление в ряде законодательных актов, среди которых к основополагающим можно отнести следующие:

- Закон Республики Беларусь от 26.06.2003 № 214-З (с изм. и доп.) «Об участии граждан в охране правопорядка»;
- Закон Республики Беларусь от 17.07.2007 № 263-З (с изм. и доп.) «Об органах внутренних дел»;
- Закон Республики Беларусь от 10.11.2008 № 453-З (с изм. и доп.) «Об основах деятельности по профилактике правонарушений»;
- Закон Республики Беларусь от 15.07.2015 № 307-З «Об оперативно-розыскной деятельности»;
- Закон Республики Беларусь от 15.07.2015 № 305-З «О борьбе с коррупцией».

На научно-теоретическом уровне их можно систематизировать в единый блок нормативных правовых актов по ряду признаков.

Так, в статье 3 Закона 2003 года «Об участии граждан в охране правопорядка» закреплено положение, что «*Предметом регулирования настоящего Закона являются общественные отношения, возникающие в связи с участием граждан Республики Беларусь... в охране правопорядка*» (выд. авт. – **В. К.**), под которым понимается процесс соблюдения, исполнения, использования и применения законов и подзаконных актов, итог воплощения законности в реальные общественные отношения [2].

В статье 7 Закона 2007 года «Об органах внутренних дел» говорится, что «*Граждане могут добровольно участвовать в решении задач, стоящих перед органами внутренних дел*» [3]. Законодательное право и обязанность **граждан** «...оказывать содействие милиции в охране общественного порядка

и борьбе с преступностью» было продекларировано в статье 7 ранее действовавшего Закона 1991 года (с неоднакр. изм. и доп.) «О милиции» [4].

В новом российском Законе односторонней направленности «О полиции» 2015 года в части 1 статьи 10 указывается, что «Полиция при осуществлении своей деятельности взаимодействует с другими правоохранительными органами, ... и *гражданами*» [5].

На более высоком уровне правовой конкретики формы практического содействия (помощи) *граждан* в борьбе с преступностью получили свое законодательное закрепление в положениях Закона «Об оперативно-розыскной деятельности» [6].

Фактически перечень названных нормативных правовых актов, объединенных и общим предметом правового регулирования – участие *граждан* в борьбе с *преступностью*, является *исчерпывающим*. Другие юридические акты, в том числе и с грифом «Совершенно секретно», затрагивающие в разных объемах вопросы правовой регламентации правоотношений, возникающих между гражданами и государством в связи с их участием в выявлении правонарушений, за которые установлена административная или уголовная ответственность, не содержат самостоятельных предметов правового регулирования. Основное назначение таких подзаконных нормативных правовых актов – конкретизация базовых положений, прописанных в законах, а также определение механизма их практической реализации.

Вторым условием, объединяющим указанные законы как бы в один правовой блок, является выделение через толкование норм группы признаков, по которым представляется возможным установить точно адресата, то есть к кому (по субъектному признаку) они (законы) обращены. Этим адресатом является физическое лицо или в социальном понимании – *обычный гражданин*, не занимающийся борьбой с преступностью на профессиональном уровне, а соответственно, не обладающий какими-либо специальными юридически властными полномочиями.

По нашему мнению, базовым законом, устанавливающим общую стратегию формирования институтов взаимоотношений государства и граждан в борьбе с преступностью, является Закон 2003 года «Об участии граждан в охране правопорядка». В нем адресат, задачи и цели сформулированы максимально конкретно: а) *гражданин* как центральная фигура и основной юридический субъект; б) *формы* его участия в охране правопорядка.

Как определил законодатель в статье 6 Закона, «Граждане могут реализовывать свое право в охране правопорядка в следующих формах: индивидуальное участие; внештатное сотрудничество с правоохранительными органами; участие в объединениях, содействующих правоохранительным органам в охране правопорядка; членство в добровольных дружинах».

С позиции общей теории права названный закон следует отнести к категории нормативно-правовых актов общей юрисдикции. Любые другие законы, в которых гражданин также назван в числе субъектов борьбы с преступностью, содержат помимо общих условий дополнительные признаки, которые отражают специфические особенности его правового статуса, а также определяют признаки органа государственного управления, с которыми возникли правоотношения [3; 7] и др.].

Например, в Законе «Об оперативно-розыскной деятельности» многочисленные положения имеют адресатом гражданина, вступившего в правоотношения с оперативно-розыскными службами для участия в борьбе с преступностью, но на *конфиденциальной* основе (ст. 2, 10, 14 и др.) [6]. В Законе «Об органах внутренних дел Республики Беларусь» (ст. 7 называется «Взаимодействие органов внутренних дел с другими государственными органами, иными организациями и *гражданами*» [3]. Здесь конкретизированы юридические признаки второй стороны *правоотношений* – органы внутренних дел. В числе субъектов, призванных вести борьбу с коррупцией, в статье 39 Закона «О борьбе с коррупцией» конкретно выделена и такая фигура, как *физическое лицо, сообщившее о факте правонарушения, создающего условия для коррупции* [8; 9]. Отличительный признак *сферы* участия гражданина в борьбе с преступностью – ее *коррупционная* направленность.

Более подробное исследование общих и специальных статусных признаков гражданина как субъекта имеет определенное практическое значение и для правильного разграничения их правового положения в законах общей и специальной юрисдикции. Соответственно, представляется возможным получить ответ на вопрос, в рамках каких законов гражданин выступает *общим* субъектом, в каких – *специальным*. Подобная конкретизация, полагаем, имеет и научно-практическое значение, ибо с этими условиями связана различная правовая регламентация положений, определяющих формы содействия (сотрудничества), систему мер поощрительного характера, основания и объем государственной защиты и др. Выделим для анализа несколько направлений.

1. Наличие в современной национальной правовой системе *группы* нормативных правовых актов, в которых в числе других субъектов назван и *гражданин* как *носитель* конституционного права на участие в борьбе с преступностью, не исключает возможности возникновения такого явления, как *конкуренция* норм.

Как следствие, конкуренция может вызывать у субъектов правоотношений (граждане, представители ОВД, оперативно-розыскных подразделений и др.) неверное представление о своем правовом статусе.

Не вызывает принципиальных возражений условие, что гражданин, вступивший с государством в специфические правоотношения, наполненные нередко достаточно высоким уровнем личного риска, имеет право максимально точно ориентироваться в содержании правового поля, в пределах которого нормативно определен его соответствующий правовой статус, конкретно обозначены права и обязанности, границы дозволенного, пределы правомерности участия в охране правопорядка. Нормативная прозрачность статутного положения, очевидно, будет способствовать и формированию у гражданина *уверенности в правоте своего участия в борьбе с преступности, в соответствии своих действий требованиям законности, в наличии правовой защищенности и т.д.*

2. Следующее информационное направление для исследования – это ситуации, когда:

а) участие гражданина в охране правопорядка (в борьбе с преступностью) выражается в статусе, *точно прописанном в законах* (член добровольной народной дружины, внештатный сотрудник, лицо, сотрудничающее на конфиденциальной основе в соответствии с законодательством об оперативно-розыскной деятельности). В указанных нормативных правовых актах максимально конкретизированы условия и требования к основаниям возникновения правовой связи гражданина с соответствующим органом государственного управления (органом внутренних дел, их оперативно-розыскными подразделениями и др.);

б) участвующее в борьбе с преступностью физическое лицо не имеет дополнительных специальных статусных признаков или, образно выражаясь, оно – *обычный рядовой гражданин*. Рассматриваемый вариант близок по своей фактической и правовой природе с таким неизвестным ранее национальному законодательству явлением, которое впервые получило свое правовое закрепление в статье 23 Закона 2006 года «О борьбе с коррупцией» и было перенесено в полном объеме с небольшим дополнением и уточнением в содержание статьи 39 Закона 2015 года «О борьбе с коррупцией»: **«Физическое лицо, сообщившее о факте правонарушения, создающего условия для коррупции, коррупционного правонарушения или иным образом способствующее выявлению коррупции»** (выд. авт. – В. К.) [8; 9]. Отличительные признаки здесь связаны с особенностями объекта общественно опасного посягательства – правонарушения *коррупционной* направленности.

3. Рассматривая в сравнительном анализе этапы становления и развития национального законодательства, регламентирующего взаимоотношения граждан и государства в сфере охраны правопорядка, по нашему мнению, имеются достаточные основания для вывода, что нормотворческая деятельность в этом направлении *не была простой и безупречной* на предмет ее способности создать необходимые условия для сотрудничества в строгом соответствии с требованиями законности и обеспечения безопасности граждан, принявших участие в борьбе с преступностью. Не является она такой, как представляется, и в настоящее время, хотя прогресс в этом направлении очевиден.

Так, например, принятый в 1991 году Закон «О милиции», выступающей в качестве основного субъекта в системе государственных структур, противодействующих преступности, в целях совершенствования его правовых возможностей результативно воздействовать на состояние правопорядка в стране неоднократно корректировался [4]. В 2007 году вместо Закона «О милиции» был принят новый, более разработанный нормативный правовой акт под названием Закон «Об органах внутренних дел», совершенствование содержания которого продолжается и сегодня [3].

На территории Республики Беларусь как суверенного государства Закон «О борьбе с коррупцией» был впервые принят в 1993 году, структура которого состояла всего из *трех статей* декларативной направленности. Определение понятия «коррупция» отсутствовало, не было сказано и о возможном участии *граждан* в качестве субъекта в борьбе с коррупционными проявлениями [10].

Новый Закон Республики Беларусь от 26.06.1997 «О борьбе с организованной преступностью и коррупцией» значительно расширил сферу нормативной регламентации противодействия коррупционным проявлениям, однако в число официальных субъектов, осуществляющих выявление и борьбу с коррупционными преступлениями, *граждане* вновь не были включены (названы) [11].

Учитывая наличие многочисленных пробельных мест в законе 1997 года (с послед. изм. и доп.), что не позволяло разрешать на правовом уровне возникающие в практической деятельности принципиально спорные вопросы, зарубежный опыт и активизацию государства в борьбе с коррупцией, в 2006 году была принята новая, более совершенная редакция антикоррупционного закона. Именно в положениях этого правового акта *граждане* были **впервые** названы в качестве самостоятельных субъектов борьбы с коррупционными проявлениями [8].

Принципиально важным явилось включение в Закон положения (ст. 23), в котором закреплена принятая государством обязанность защищать эту категорию граждан за содействие в борьбе с преступностью в случае возникновения угрозы их правоохраняемым интересам [8].

Например, в части 1 статьи 23 Закона 2006 года законодательно получило закрепление следующее условие: «Физическое лицо, сообщившее о факте правонарушения, связанного с коррупцией, или иным образом способствующее выявлению коррупции, находится под защитой государства». Более конкретно **основания** применения мер обеспечения безопасности физическому лицу, способствующему выявлению коррупции, его супругу (супруге), близким родственникам или свойственникам, законодатель сформулировал в части 2 этой же статьи. Применяв бланкетную конструкцию диспозиции нормы, показал, что при наличии оснований, перечисленных в части 2 статьи 23 Закона, указанным лицам **«гарантируется применение мер по обеспечению безопасности в порядке, установленном законодательством Республики Беларусь»** [8].

Названное положение было перенесено и в статью 39 Закона «О борьбе с коррупцией» в редакции 2015 года с одновременным расширением *перечня признаков физических лиц*, имеющих право на государственную защиту. К этой категории Законом 2015 года отнесены не только лица, **сообщившие** о факте правонарушения, связанного с коррупцией, или иным образом **способствующие** выявлению коррупции (редакция ч. 1 ст. 23 Закона 2006 г.), но и впервые **сообщившие о факте правонарушения, создающего условия для коррупции**.

4. Однако наряду с очевидно положительной направленностью проведенной корректировки специальной нормы [9], каковой является статья 39, при более углубленном изучении ее конструкции и правового содержания обнаруживается принципиально важное, по нашему мнению, негативное обстоятельство. В частности, требуется *юридически правильно* ответить, прежде всего, на такой вопрос: к какому «...законодательству...» апеллирует часть 2 статьи 39 Закона «О борьбе с коррупцией»?

В Законе Республики Беларусь от 13.12.1999 «О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов, сотрудников органов государственной охраны», в статье 3 законодатель определил исчерпывающий перечень лиц, подлежащих государственной защите в соответствии с указанным законом: судьи, должностные лица правоохранительных органов, должностные лица контролирующих органов, близкие, то есть речь идет исключительно о специальных субъектах [12]. Следовательно, положения названного закона не могут применяться для защиты интересов обычных граждан, участвующих в борьбе с преступностью.

Очевидно, что под этим «... законодательством...» подразумеваются исключительно положения главы 8 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (УПК) под названием «**Меры по обеспечению безопасности участников уголовного процесса и других лиц**» [13]. Другого законодательного акта, призванного регламентировать основания и порядок применения мер по обеспечению безопасности именно **обычных граждан, в национальной правовой системе нет**.

Как следует из буквального толкования статьи 39 Закона «О борьбе с коррупцией» в редакции 2015 года, на правовую **защиту** может рассчитывать только физическое лицо, имеющее **статус участника уголовного процесса**, а также члены его семьи и близкие. Понятие членов семьи и близких в точных определениях дается в нормах иных отраслей права, следовательно, и установление их процессуального статуса не может вызывать трудностей (см. ч. 2 ст. 4 Уголовного кодекса Республики Беларусь и др.) [14].

Анализ оснований применения мер по обеспечению безопасности и указанного в части 1 статьи 65 УПК перечня субъектов, имеющих право на государственную защиту, который может рассматриваться как исчерпывающий, показал, что сложным (не бесспорным) остается вопрос: **каков же статус** физического лица, которое **сообщило** соответствующим органам «...о факте правонарушения, создающего условия для коррупции, коррупционного правонарушения, или иным образом способствовало выявлению коррупции...»?

Есть **два варианта** ответа:

1) если физическое лицо является **участником уголовного процесса** (вероятнее всего, оно может выступать в качестве свидетеля, потерпевшего), применение мер безопасности в случае возникновения для этого оснований **будет соответствовать** нормативным положениям главы 8 УПК;

2) исходя из опыта продолжительной работы в оперативно-следственных подразделениях системы МВД, считаем обоснованным высказать суждение, что не всегда, в частности, **физическое лицо**, сообщившее о коррупционном (ых) проявлении (ях), **согласится стать впоследствии и участником уголовного процесса**. Например, путем **официального закрепления в процессуальной форме его заявления (сообщения)** о коррупционном преступлении с указанием всех установочных данных лица-информатора, как этого требует УПК. Более того, как показывает практика, подобный вариант поведения-уклонения ставится гражданином нередко **одним из принципиальных условий** передачи правоохранительным органам коррупционной информации по схеме типа: «Я вам информацию, а вы меня не видели и не слышали».

Причин для подобного отказа гражданина более чем достаточно, ибо именно с этого момента и может возникнуть опасность его правоохраняемым интересам. Полагаем, что в этом нет ничего противоестественного, как и нет открытого проявления неуважительного отношения к государству и его

правовой системе. Это субъективная позиция гражданина, в какой внешней форме выразить свое отношение к участию в борьбе с преступностью. Здесь есть и еще одно обстоятельство, о котором нельзя не сказать. В силу причин *субъективного* (личного) или *объективного* характера (сам информатор проговорился, произошла утечка служебной тайны в системе органов уголовного преследования, что, однако, не исключается, и др.) *об источнике криминальной информации стало известно субъектам коррупционных преступлений* со всеми вытекающими из этого общественного опасными для информатора последствиями.

Как в таких ситуациях может быть обеспечена очевидно необходимая для гражданина именно указанной категории (*не является субъектом уголовного процесса*) безопасность? По нашему мнению, *четко прописанных* правовых оснований обеспечения защиты граждан, сообщивших о коррупции и не являющихся официальными участниками уголовного процесса, *уголовно-процессуальное законодательство не предусматривает*.

В пункте 16 Научно-практического комментария к статье 65 УПК Республики Беларусь его авторами высказано суждение следующего характера: «Согласно пункту 49 статьи 6 УПК лица, подавшие заявления и сообщения о преступлении, *не относятся к участникам уголовного процесса*» [13]. А далее делается вывод, фактически *противоречащий* первой части комментария: «Однако орган уголовного преследования согласно статье 67 УПК в случае необходимости должен принять решение о применении мер безопасности и в отношении этих лиц» [13].

По нашему мнению, позиция далеко не бесспорная. Ведь ни в пункте 49 статьи 6 УПК, ни в статье 67 УПК законодатель не выделил в самостоятельную процессуальную фигуру гражданина, который, сообщив о коррупционном преступлении, не посчитал для себя возможным стать *официальным участником уголовного процесса*. Подобный вывод возможен при условии использования разработчиками комментария к статье 65 УПК приема так называемого *расширительного толкования*, что в целом допустимо в рамках научных рассуждений, но ни в коем случае не в сфере реального правоприменения. Одновременно фактически предлагается руководствоваться разъяснениями и предложениями, основанными на применении закона *по аналогии*.

Ссылку на статью 67 УПК не представляется возможным признать юридически корректной и по тем основаниям, что в ней законодатель предусматривает возможность в рамках реализации мер по обеспечению безопасности выполнить такие действия, как изменение «фамилии, имени, отчества, других анкетных данных, изменение сведений о месте жительства и работы (учебы) в *заявлениях и сообщениях о преступлениях*», то есть в официальных процессуальных документах, которых в рассматриваемых ситуациях нет. Но таких процессуальных документов нет, а есть неофициальная информация.

Допускаем предположение, что исключительно из позитивных побуждений и *в целях как бы восполнения пробела в законе* авторы комментируемой статьи, применив некорректные и противоречащие принципу законности приемы толкования положений нормы, предложили *уравнять* в праве на защиту со стороны государства двух *разных* в уголовно-процессуальном понимании субъектов (*один имеет статус участника уголовного процесса, второй – нет*). То есть по аналогии распространить действие закона по государственной защите на лицо, которое в этом же законе не получило своего правового определения, соответственно, и не приобрело право на защиту.

При этом, как представляется, игнорируется еще одно принципиально значимое условие. Если бы с принятием мер по обеспечению безопасности гражданина не было связано совершение ряда юридически значимых процессуальных действий, в том числе влекущих наступление существенных юридически значимых последствий, можно было бы и согласиться с предложением ученых-юристов *устранить пробел в законе на уровне субъективного комментария*. Но согласятся ли с подобным, не бесспорным с позиции законности предложением должностные лица, наделенные правом принимать ответственные управленческие решения о применении мер по обеспечению безопасности участников уголовного процесса (следователь, прокурор, другие должностные лица)? Вопрос далеко не риторический.

Не следует забывать и о таком обстоятельстве: как негативно может повлиять неполная правовая регламентация мер по обеспечению безопасности той категории граждан, которые оказали помощь в выявлении коррупционных преступлений, но *не соответствуют процессуальному статусу, предусмотренному частью 1 статьи 65 УПК*, на их активность в сотрудничестве с государством по выявлению коррупционных правонарушений? Считаем, что эти и подобные вопросы имеют право на их более углубленное научно-практическое исследование и на выработку вариантов законодательной корректировки положений части 1 статьи 65 УК [14].

В этой части можно обратиться к более удачной в правовом отношении позиции российского законодателя. В частности, в статье 2 «Лица, подлежащие государственной защите» Федерального закона Российской Федерации от 20.08.2004 № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и

иных участников уголовного судопроизводства» определены дополнительные основания распространения государственной защиты и на лиц, *которые не являются участниками уголовного процесса* [15]. В норме на достаточно высоком уровне конкретизации закреплено условие, что «Меры государственной защиты могут быть также применены до возбуждения уголовного дела в отношении заявителя, очевидца или жертвы преступления *либо иных лиц, способствующих предупреждению или раскрытию преступления*». Полагаем, что названная формулировка может быть принята за основу в качестве дополнения части 2 статьи 39 Закона 2015 года «О борьбе с коррупцией».

Также следует отметить, что в аналогичном положении (т.е. без государственной защиты) по условиям статьи 65 УПК могут оказаться и другие категории граждан, которые в соответствии с положением статьи 6 Закона 2003 года «Об участии граждан в охране правопорядка» также названы в качестве самостоятельных субъектов борьбы с преступностью (внештатные сотрудники, члены добровольных дружин и др.).

Институт мер по обеспечению безопасности физических лиц, имеющих право на государственную защиту по основаниям участия в борьбе с преступностью и возникшей угрозой, в их практической реализации, очевидно, является сложным и затратным как в организационном, так и материальном отношении. В этой связи можно высказать предположение, что включение в УПК нормы, юридическая конструкция которой содержит набор признаков, допускающих фактически *исключение* из сферы государственной защиты *всех иных граждан, не являющихся участниками уголовного процесса*, – это не оплошность ее разработчиков.

Закключение. Анализ оснований возникновения и содержания правоотношений *физических лиц* с правоохранительными органами, закрепленных в анализируемых законодательных актах, позволяет сделать вывод, что свое внешнее выражение они получают в форме именно *гласного содействия* граждан в выявлении и раскрытии преступлений, в том числе коррупционной направленности.

Однако в этой системе взаимоотношений имеет место и такая правовая связь, получившая название «сотрудничество», под которым понимается негласная форма взаимоотношений гражданина и государства на устойчивой (постоянной) основе с элементами контрактных обязательств. Правовая регламентация условий сотрудничества получила свое закрепление в Законе 2015 года «Об оперативно-розыскной деятельности». Это более сложный в социальном и правовом отношении правовой институт, формирующий особые условия установления взаимоотношений граждан со специальными оперативными подразделениями системы МВД Республики Беларусь и некоторых других правоохранительных органов в борьбе с преступностью [6].

Научно-практический интерес, по нашему мнению, представляет и анализ законодательной регламентации форм поощрения государством граждан, участвующих в борьбе с преступностью в различных статусных состояниях, виды которых получили свое нормативное закрепление в Законе «О борьбе с коррупцией» [9], «Об оперативно-розыскной деятельности» [6] и др.

Таким образом, можно сделать вывод, что вопросы юридического регулирования оснований участия граждан в охране правопорядка и их формы содействия (сотрудничества) в современном национальном законодательстве требуют дальнейшего изучения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Конституция Республики Беларусь 1994 года: с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. // Эталон – Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2014.
2. Об участии граждан в охране правопорядка: Закон Респ. Беларусь, 26.06.2003, № 214-3: с изм. и доп.: текст по состоянию на 04.01.2014 // Эталон – Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.
3. Об органах внутренних дел: Закон Респ. Беларусь, 17.07.2007, № 263-3: с изм. и доп.: текст по состоянию на 15.07.2015 // Эталон – Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.
4. О милиции: Закон Респ. Беларусь, 26.02.1991, № 637-ХП: с изм. и доп.: текст по состоянию на 17.07.2007 // Нац. реестр прав. актов Респ. Беларусь, 15.03.2001, № 2/284 (утратил силу в 2007 г.).
5. О полиции: Закон Рос. Федерации, 07.02.2011 (с изм. и доп. на 14.12.2015) // КонсультантПлюс: Версия Проф. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.
6. Об оперативно-розыскной деятельности: Закон Респ. Беларусь, 15.07.2015, № 307-3 // Эталон – Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

7. Об оперативно-розыскной деятельности: Закон Респ. Беларусь, 12.11.1992 № 1932-ХП: с изм. и доп.: текст по сост. на 04.11.1998 // Ведом. Верховного Совета Респ. Беларусь, 1992. – № 32. – Ст. 513.
8. О борьбе с коррупцией: Закон Респ. Беларусь, 20.07.2006, № 305-3 // Нац. реестр прав. актов Респ. Беларусь. – 2006. – № 122, 2/1262 (утратил силу в 20015 г.).
9. О борьбе с коррупцией: Закон Респ. Беларусь, 15.07.2015, № 305-3 // Эталон – Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.
10. О борьбе с преступностью в сфере экономики и с коррупцией: Закон Респ. Беларусь, 15.07.1993, № 2399-ХП // Ведомости Нац. собрания Респ. Беларусь. – 1993. – № 26. – Ст. 318 (утратил силу в 1997 г.).
11. О борьбе с организованной преступностью и коррупцией: Закон Респ. Беларусь, 26.06.1997, № 47-3 // Ведомости Нац. собрания Респ. Беларусь. – 1997. – № 24. – Ст. 460 (утратил силу в 2006 г.).
12. О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов: Закон Респ. Беларусь, 13.12.1999. – № 340-3: с изм. и доп.: текст по состоянию на 15.03.2016 // Эталон – Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь.
13. Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Респ. Беларусь / Н.И. Андрейчик [и др.]; под науч. ред. М.А. Шостака; Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь. – Минск: Акад. МВД, 2014. – 1230 с.
14. Научно-практический комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь / Н.А. Ахраменко [и др.]; под ред. А.В. Баркова, В.М. Хомича – 2-е изд., с изм. и доп. – Минск: ГИУСТ БГУ, 2010. – 1063 с.
15. О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства: Закон Рос. Федерации, 20.08.2004 (в ред. от 08.03.2015) № 119-ФЗ // КонсультантПлюс: Версия Проф. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

Поступила 25.03.2016

CITIZENS PARTICIPATION IN THE STRUGGLE AGAINST CORRUPT AND OTHER CRIMINAL MANIFESTATIONS ON THE TRUSTING BASIS

V. KURYAKOV

Contemporary forms of citizens interaction (co-operation) with the state, consolidated by the national legislation in the struggle against criminality are under consideration in the frames of the comparative-legal analysis. A norm-novel (article 39) of the Law of the Republic of Belarus from 15.07.2015 № 305-3 «About the Struggle against Corruption» is being investigated separately. It establishes the guarantees of the application security measures and the reward payment to a physical person who assisted to reveal the corruption.

Keywords: *crime, rule of law, citizens, government, cooperation, encouragement.*